

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТОВ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ СОВРЕМЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ

ФИЛОНЕНКО ЮЛИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА,

кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: yfilonenko@sfedu.ru;

СКАЧКОВА ЛЮДМИЛА СЕРГЕЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: lskachkova@gmail.com

В статье представлены результаты исследования субъективного благополучия определенной социально-профессиональной группы – научно-педагогических работников современных университетов. Приведены результаты опроса 750 научно-педагогических работников вузов ЮФО и СКФО, а также 10 федеральных вузов России с акцентом на идентификацию важности факторов субъективного благополучия преподавателей высшей школы, и выявлен вклад в этот феномен ценностей материализма и постматериализма. Сделан вывод о взаимосвязи благополучия в сфере научно-педагогической деятельности с показателями удовлетворенности жизнью, социальными отношениями, эмоциональной включенностью педагогов в профессиональную деятельность. Полученные результаты интерпретированы в методологических рамках междисциплинарных исследований позитивной психологии, социологии, институциональной и поведенческой экономики.

Ключевые слова: субъективное благополучие; факторы профессионального благополучия; научно-педагогические работники.

Благодарность. Исследование проведено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант 18-010-00952 «Исследование субъективного благополучия россиян на примере научно-педагогических работников: факторы и динамика».

ECONOMIC AND PROFESSIONAL SUBJECTIVE WELFARE OF SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL WORKERS IN MODERN UNIVERSITY

JULIA V. FILONENKO,

*Candidate of Economics, Associate Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: yfilonenko@sfedu.ru;*

LYUDMILA S. SKACHKOVA,

*Candidate of Economics, Associate Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: lskachkova@gmail.com*

The article presents the results of the subjective well-being study of a certain social and professional group – scientific and pedagogical workers of modern universities. The results of a survey of 750 scientific and pedagogical workers of universities in the Southern Federal District and North-Caucasian Federal District, as well as 10 federal universities of Russia, with a focus on identifying the importance of subjective well-being factors of higher education teachers, are presented and the contribution of materialism and post-materialism to this phenomenon is revealed. The conclusion is drawn about the relationship of well-being in the field of scientific and pedagogical activity with indicators of satisfaction with life, social relations, and emotional involvement of teachers in professional activities. The results are interpreted in a interdisciplinary studies methodological framework of positive psychology, sociology, institutional and behavioral economics.

Keywords: *subjective well-being; professional well-being factors; scientific and pedagogical workers.*

JEL: D01, D91

Введение

Значимые экономические, социально-культурные, технологические, институциональные изменения в развитии постиндустриального общества сопровождаются признанием растущей роли высшего образования и науки в глобальной экономике знаний и актуализацией дискуссии о содержании и качестве образования, транслируемых в мировых (Global Education Monitoring Report, Horizon Report: 2018. Higher Education Edition, Доклад о мировом развитии 2018: обучение как средство реализации образовательных перспектив) и отечественных докладах об образовании ведущих организаций. Кроме того, расширяется общественное и профессиональное обсуждение повышения экономической и административной эффективности научно-педагогических работников современных университетов и результативности в высшем образовании (Olssen, Peters, 2005; Zepke, 2015). В этой связи предлагаемая в данной статье проблема вопросов взаимосвязи многофакторного понятия субъективного благополучия и удовлетворенности профессией научно-педагогических работников современных университетов продолжает дискурс важности профессионального благополучия представителей данной профессии, чья деятельность связана с формированием социального капитала и управления образованием.

Синописис субъективного благополучия имеет обширную междисциплинарную интерпретацию экономистами Р. Истерлином, Р. Лэйардом (*Easterlin, 2005; Layard, 2010*), социологами Р. Винховеном, Р. Инглхардом (*Veenhoven, 2005; Inglehart, 2010*) и психологами Д. Канеманом и М. Селигманом (*Kahneman, Deaton, 2010; Селигман, 2013*). И если институциональный анализ позволяет выявить тот противоречивый набор неформальных институтов (норм, стереотипов и правил поведения) преподавателей и студентов в образовательной среде, который трансформирует и их социальные ориентиры, действующие правила и поведенческие паттерны (*Институциональные изменения структуры российской сферы образования, 2017, с. 24*), то психологический анализ дает возможность наблюдать и интерпретировать целерациональные действия и поведение человека через социокультурные и ценностно-смысловые структуры. Такая методологическая конвергенция (или даже в интерпретации А. Лубского – мультипарадигмальность научно-исследовательских практик) обусловила применение неоклассической модели социально-гуманитарных исследований, в рамках которой в научном познании применяются принципы социологизма (первичность общества и вторичность человека как продукта общественного развития) и антропологизма (первичность человека и вторичность общества как продукта взаимодействия между людьми), а установки классической и неклассической рациональности (стремление к объективно-истинному знанию и установление зависимости объясняемых характеристик предмета научного исследования от его методологии) синтезированы с установками неоклассики, а именно: с осмыслением ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности в их соотношении с социокультурным контекстом (*Лубский, 2015, с. 25; Степин, 2009, с. 249–251; Kuipers, 2001*). Находясь в данной эпистемологии социально-гуманитарного исследования, определим теоретические контуры исследуемого понятия.

Содержание категории «субъективного благополучия» рассматривается нами как субъективная оценка индивидом его экономического и социального положения и его личное восприятие своего состояния во взаимосвязи следующих компонентов: аффективного (совокупности чувств и настроений, оценка переживаемых ощущений, эмоций в данный момент времени, в том числе счастья как превышения положительных эмоций над отрицательными); а также когнитивного ценностно-рационального и целерационального (удовлетворенности жизнью, качеством жизни, ощущения ее смысла и ценности). Идентификация этих компонентов вполне соответствует заявленному междисциплинарному многообразию: в рамках социально-философского анализа рассматривается феномен счастья – высшее благо, возможное и достижимое состояние человеческого бытия, а психологическая парадигма наполняет термин «удовлетворенности жизнью» личностными детерминантами и рассматривает его как результат социального сравнения фактического статуса человека с его притязаниями, потребностями и восприятием собственного положения или с финансовой ситуацией у референтной группы (*Хашченко, 2011, с. 107–108*).

Экономическая и социологическая науки предлагают прикладные исследования субъективного благополучия и его измерение. Мировыми исследовательскими центрами, коллективами или отдельными учеными предложены разнообразные количественные методы, рейтинги, индексы человеческого развития, индексы благополучия Gallup-Healthways, канадский индекс благополучия – Canadian Index of Wellbeing, всемирный индекс счастья Happy Planet Index, индекс процветания Института Legatum и др. (*Флербе, 2012; Кислицына, 2016*). Однако сами экономисты предлагают включать в измерение индексов благополучия не только количественные данные, но и оценочные суждения о доходах и благосостоянии, жилищных условиях, образовании и здравоохранении, работе, гражданских правах и безопасности (*Stiglitz, Sen, Fitoussi, 2009*), а также дополнить инструментарий измерения субъективного благополучия учетом разделения между когнитивными оценками (что люди думают о

своей жизни) и аффективными эмоциональными состояниями (как они чувствуют себя в своей жизни), т.е. между суждениями и аффектами (Флербе, 2012, с. 35).

Отечественные экономисты (Кислицына, 2016) в работах по измерению субъективного благополучия наряду с психологами и социологами (Хащенко, 2011, Козырева, 2016) также используют системы ценностей и целей человека, учитывают его индивидуальные стандарты благосостояния, культурные особенности, самооценку себя как экономического субъекта и осознаваемых элементов отношения личности к собственному материальному благополучию и перспективам его изменения (Хащенко, 2011, с. 109).

В этой связи в нашем исследовании анализ субъективного благополучия направлен на апробацию индикаторов, используемых в индивидуальных интерпретациях для оценки различных аспектов жизнедеятельности индивидов с учетом их собственных жизненных ценностей с акцентом на их профессиональной деятельности и исследовании степени влияния ощущения счастья на эффективное поведение в профессиональной деятельности особой социальной группы – научно-педагогических работников современных университетов.

Наше исследование продолжает анализ профессиональной компоненты субъективного благополучия представителей различных профессий – медицинских сестер, реанимационных работников, что связано с проблемами выгорания и эмоциональности, школьных учителей и педагогов в целом, инкассаторов и работников охранных, спасательных служб как имеющих определенную специфику трудовой деятельности, спортсменов и др., представленных рядом зарубежных авторов (Rath, Harter, 2010; Oswald, Proto, SgROI, 2015; Diener, 2004; Warr, 2013) и отечественных исследователей (Березовская, 2016; Творогова, 2017; Хвостикова, 2012; Шамионов, 2010). Поиск факторов субъективного благополучия в профессиональной сфере, его значения в продуктивности, компетентности и отношения сотрудников к результатам труда с учетом эмоционального, мотивационного и поведенческого компонентов (Van Horn, Taris, Schaufeli, Schreurs, 2004), взаимосвязи профессиональной идентичности, самореализации, мотивации и стремление индивида к росту и развитию, а также условий профессиональной среды, способствующих повышению уровня субъективного благополучия, представляются остро актуальным в современной сфере российского образования.

Действительно, сотруднику, имеющему высокий уровень субъективного благополучия, свойственны высокая продуктивность, стабильность, он реже увольняется с работы, имеет меньшее количество больничных (Oswald, Proto, SgROI, 2015, с. 801). Взаимосвязь удовлетворенности трудом, эмоционального благополучия в научно-педагогической деятельности с показателями удовлетворенности жизнью, социальными отношениями подтверждает большую эмоциональную включенность (аффективность) педагогов в профессиональную деятельность (Шамионов, 2010, с. 242).

Эмпирическое исследование субъективного благополучия научно-педагогических работников современных вузов основано на проведенном научным коллективом экономического факультета ЮФУ в 2019 г. опросе 750 научно-педагогических работников 10 федеральных российских университетов (выборка опроса – квотно-пропорциональная по полу, возрасту и должности). В свою очередь, методологически обоснованная анкета для проведения опроса научно-педагогических работников федеральных университетов¹ основывалась на проведенных нами в 2018 г. 8 фокус-групп «Анализ факторов субъективного благополучия НПП, составляющие профессиональной идентичности» с участием экспертов – научно-педагогических работников ЮФУ, Ростовского филиала Российской таможенной академии, корпоративного университета Сбербанка в Ростове-на-Дону, и проведенных нами 60 глубинных интервью научно-

¹ Авторская анкета (<http://gauro-riacro.ru/opros/npr/>).

педагогических работников российских региональных, федеральных и опорных вузов: Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь), Сибирского федерального университета (г. Красноярск), Крымского федерального университета (г. Симферополь), Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону), Кубанского государственного университета (г. Краснодар), результаты которых интерпретированы в ряде статей (*Скачкова, Щетинина, 2019; Филоненко, Яковлева, 2018; 2019*). При составлении анкеты также использовался исследовательский потенциал методик субъективного благополучия Н. Бредбурнда, Е. Динера, Д. Канемана, А. Дитона, Р. Инглхарда; методов Института социологии РАН, Европейского социального исследования (The ESS); а также метод включенного наблюдения, позволяющий углубить понимание функционирования группы и ее норм, что достигается участием в ней «включенного наблюдателя» и «связано с фактическим принятием роли индивидов, которых исследователь изучает, вступлением в группу этих индивидов и жизнью и работой в качестве члена группы» (*Резерфорд, 2012, с. 93*). Будучи непосредственно вовлеченными в профессиональную группу научно-педагогических работников, мы в полной мере воспользовались этим методом.

В рамках опроса авторами был поставлен ряд исследовательских задач: проанализировать субъективную природу паттерна «субъективного благополучия» научно-педагогических работников; разработать комплексную методику диагностики структуры субъективного благополучия (соотношение аффективных и когнитивных составляющих) и факторов, влияющих на формирование этой структуры; исследовать причинно-следственные связи между факторами, элементами субъективного благополучия и показателями эффективности труда на примере профессиональной группы – научно-педагогических работников. В рамках данной статьи мы, основываясь на обоснованной выше концепции субъективного благополучия, включающей в себя поведенческие факторы ощущения удовлетворенности жизнью («аффективность») и когнитивную оценку удовлетворенности жизнью в целом, намерены выявить взаимосвязь значимости экономического благополучия, выраженного в величине дохода, и профессионального благополучия, связанного с социальной и профессиональной мотивации научно-педагогических работников российских высших учебных заведений, ценностями свободы выбора и интересной работы, а также проанализировать нарративы, объясняющие формирование долгосрочных мотивов профессий, связанных с денежными факторами.

Так, оценка респондентами общего уровня удовлетворенности и оценка различных аспектов своей жизни в соответствии со шкалой от 0 до 10, где 0 – абсолютная неудовлетворенность, 10 – максимальная удовлетворенность, показала, что наивысшая удовлетворенность характерна для аспекта «отношения в семье» (9); высокий уровень удовлетворенности свойствен ценностям материализма, или ценностям выживания по Р. Инглхардту, – физической и психологической безопасности и благополучия, а именно: «уровень питания», «жилищные условия», «обеспеченность одеждой и обувью», (8), «состояние здоровья», «уровень личной безопасности» (7). Ценности постматериализма – значение принадлежности к группе, самовыражения и качества жизни – также получили оценку выше средней: «положение, статус в обществе» (7,5), «возможность проведения досуга» и «общение с друзьями» (7), «возможность получения необходимых образования и знаний» и «возможность реализовать себя в профессии» (7). Невысокие оценочные результаты получили аспекты «материальной обеспеченности» и «ситуации на работе» (6) и наиболее низкую – «возможность отдыха» (5). В то же время 63% респондентов оценили свое материальное положение как «среднее», 21% – как «хорошее» и только 6% – как «плохое».

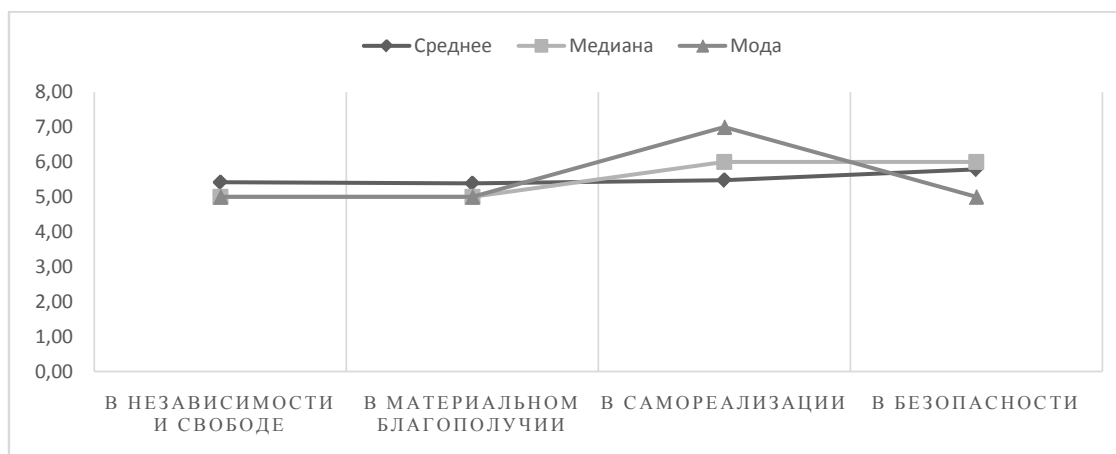
Сопоставляя полученные данные с другими российскими исследованиями, отметим, что в целом данные свидетельствуют о том, что, хотя уровень доходов и оценки

благополучия имеют значение для удовлетворенности населения России своей жизнью, но, по мнению Н. Тихоновой, они не играют в этом отношении решающую роль. Этот вывод сделан в рамках мониторингового опроса Института социологии РАН, проведенного в октябре–ноябре 2014 г. по общероссийской выборке, 4000 россиян. Высокую степень удовлетворенности своей жизнью респонденты связывали, прежде всего, с хорошими оценками отношений в семье и с друзьями, несколько реже – с хорошими оценками своего статуса в обществе, ситуации на работе, возможностей проведения досуга, самореализации в профессии, доступа к необходимым знаниям и образованию, региона проживания и т.д., что показало ориентацию ценностных систем россиян, прежде всего, на благополучие в семье и наличие хороших друзей. Значимее оказалась субъективная удовлетворенность россиян своим положением в обществе, что показано на статистической значимости соответствующих связей: если коэффициент Спирмена для удовлетворенности своим материальным положением и жизнью в целом составил 0,491, то для удовлетворенности жизнью и своим статусом в обществе он достиг 0,580 (Тихонова, 2015, с. 22).

В рамках нашего исследования уверенность в престижности профессии научно-педагогического работника университета выразили 14% респондентов, о ее «однозначной непрестижности» заявили 22% из них и 60% заняли двойственную позицию, считая эту профессию обычной, неслишком престижной, но в то же время полагая, что и непрестижной она не является. В то же время шкалирование утверждений о своей профессии нашими респондентами от 0 до 10, где 0 – абсолютно не согласен, 10 – полностью согласен, показало высокий уровень согласия по следующим позициям: «если бы я мог решать заново, я бы снова выбрал свою нынешнюю профессию» (8); «моя профессия позволяет придумывать новое и подходить ко всему творчески» (8); «моя работа позволяет показать свои способности» (8); «я нашел свое предназначение, место в жизни» (8) и «я пользуюсь уважением среди коллег и студентов» (8). Это подтверждает наличие когнитивного целерационального компонента субъективного благополучия, образующегося за счет удовлетворенности качеством жизни и удовлетворенности профессией, включая оценку профессиональной сферы через статусность профессии и учебного заведения, наличия возможности профессионального развития и самореализации, а также его ценностно-рационального аспекта, включающего осознание ценности и смысла профессиональной деятельности ученого и преподавателя. Однако невысокую степень согласия респонденты выразили по пунктам «преимущества моей профессии явно перевешивают недостатки» (6) и низкую – «я доволен карьерными перспективами на своей работе» (5).

Возвращаясь к ценностям материализма, прокомментируем полученные данные относительно оценки респондентами своих доходов. Шкалирование своего дохода от 0 до 10, где 0 – абсолютная неудовлетворенность, а 10 – максимальная удовлетворенность, через меру удовлетворения потребностей показало следующее распределение ответов респондентов (рис. 1).

Рисунок 1 демонстрирует низкую степень удовлетворенности опрошенных нами научно-педагогических работников своим доходом, что вполне верифицируется на фоне данных проведенного в период с 2006 по 2017 г. Высшей школой экономики в рамках проекта «Мониторинг экономики образования» обследования профессорско-преподавательского состава российских вузов. Анализ динамики мотивации работы в качестве преподавателя в указанный период выявил основные изменения стратегий, мотиваций и экономического поведения преподавателей: снизилась доля условно «нематериальных» факторов (общение с молодежью, соответствие работы склонностям и т.д.) с постепенным увеличением значимости материальной мотивации (*Изменения стратегий, мотиваций и экономического поведения студентов и преподавателей российских вузов, 2019, с. 24*).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос:

«Оцените, в какой мере Ваш доход удовлетворяет следующие потребности»

Источник: составлено авторами по данным опроса научно-педагогических работников вузов.

В то же время мониторинг показал разнонаправленность трендов изменения заработной платы: с 2006 по 2013 г. наблюдалось постепенное увеличение реальных заработков преподавателей с 30 до 38 тыс. руб., а затем наметилось снижение, и в 2017 г. средний реальный трудовой доход преподавателей составил 35,2 тыс. руб. (*Изменения стратегий, мотиваций и экономического поведения студентов и преподавателей российских вузов, 2019, с. 36*). Кроме того, относительно оценки соответствия или несоответствия заработной платы объему и сложности работы, которую выполняют опрошенные нами научно-педагогические работники, 21% респондентов сочли его «полностью несоответствующим», столько же сочли его «скорее соответствующим», и только каждый второй – «скорее несоответствующим».

Вместе с тем данные мониторинга экономики образования показывают, что, если преподавателя просили определить уровень заработной платы, который мог переориентировать его на нетворческую работу с жестким графиком (например, менеджер среднего звена), респонденты продемонстрировали высокую приверженность своей профессии: преподаватели готовы сменить свою работу на нетворческую при зарплате, более чем вдвое превышающей их текущую среднюю заработную плату, – 90 тыс. руб., что составляет почти двукратное увеличение заработной платы по сравнению с текущей (*Изменения стратегий, мотиваций и экономического поведения студентов и преподавателей российских вузов, 2019, с. 26*).

Таким образом, наши респонденты ощущают недостаток денежных средств при высокой удовлетворенности иными факторами профессионального благополучия, что свидетельствует о наличии нематериальных выгод и мотиваций работы в вузе и о некой компенсации слабости денежного фактора удержания в профессии важностью неденежных факторов (табл. 1).

Как следует из представленных в таблице 1 данных, большинство респондентов признают взаимовлияние профессии и уровня субъективного благополучия, демонстрируя общее мнение о работе, вызывающей положительные эмоции, удовольствие от процесса преподавания и научной деятельности, а также высоко оценивают гибкий график. Важность наличия свободного времени и баланса рабочего времени и личной жизни всесторонне исследована нами в одноименном проекте (*Филоненко, Яковлева, 2019*) с использованием данных 60 глубинных интервью научно-педагогических работников вышеназванных университетов, отметим только, что гибкость академической профессии респондентами оценивается весьма высоко: «научная работа такова, что я часто

работаю по ночам. А днем я могу заниматься чем-то другим... научная работа позволяет работать в более гибком режиме, в котором тебе удобно. В других работах так невозможно. Там нужно прийти к 8 утра и до 18 выработать, а я к этому абсолютно не привык. Даже за большие деньги я не смог бы так работать» (старший научный сотрудник, кандидат физ.-мат. наук, 63 года, мужчина). Респондент отмечает достаточное количество времени, которое посвящает собственному развитию, общению с единомышленниками и написанию научных статей.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
«Какие факторы привлекают Вас в университетской работе?»**

Удерживающий фактор	Рейтинг фактора
Удовольствие от процесса преподавания и научной деятельности	76,2
Возможность гибкого графика работы	63,8
Общение с молодежью, интересными, творческими людьми	58,5
Возможность передавать знания	45,4
Длительный отпуск	36,2
Участие в групповых и индивидуальных научных грантах и коммерческих проектах	26,2
Разнообразии видов педагогической и научной деятельности	20,0
Возможность защиты диссертации и получения научного звания	10,8
Возможность трудовой мобильности, командировок	10,0
Престижность профессии	4,6
Ничего не привлекает	0,8

Здесь следует отметить, что в проведении такого рода исследований важным является получение и интерпретация нарративов, которые имеют особое значение в анализе долгосрочных мотивов профессий, связанных с неденежными факторами, – в нашем случае научно-педагогических работников. Это позволяет, как указывает В. Вольчик, акцентироваться на исследованиях влияния социального контекста на целеполагание акторов, а также определяет его роль при формировании мотивации в экономическом поведении (Вольчик, 2017, с. 136). Применение нарративного анализа (Akerlof, Snower, 2016; Вольчик, 2017) позволит определить баланс между потребностями индивида и социальной группы и понимать особенности социального контекста, в котором происходят действия данной профессиональной группы.

В этой связи считаем необходимым отметить важность дискурса о любимой, вдохновляющей работе: на поисковом этапе нашего исследования при проведении глубинных интервью те наши респонденты, которые его обозначили, имеют, как правило, более высокую субъективную удовлетворенность профессиональной деятельностью: «работой очень довольна... нравится быть на кончике знаний, постоянно узнавать новое, что вдохновляет и мотивирует!» (доцент, кандидат экон. наук, 45 лет, женщина). Доцент, кандидат псих. наук, 29 лет, женщина, отмечает: «способствует росту профессионального субъективного благополучия понимание того, что занимаешься любимым делом, получаешь от этого удовольствие, когда можешь полностью самореализоваться. Очень нравится работать со студентами, видеть эмоциональную отдачу от студентов». Они отмечали, что получают удовлетворение от выполняемой работы, поскольку она требует нестандартного мышления, не имеет жестких регламентов, предполагает постоянное общение с людьми, с молодежью, высоко оценивают роль свободы профессионального выбора и академических ценностей профессии НПП в субъективном благополучии: «направления и тематика научных

исследований, социальная значимость выполняемой работы, возможность личного развития, совместные научные проекты с коллегами, гибкий график работы, получение позитивной обратной связи от студентов» (доцент, кандидат филолог. наук, 40 лет, женщина). Выявленный в проведенном качественном анализе (глубинных интервью) дискурс вполне подтверждается результатами массового опроса, занимая второе и третье место в важности удерживающих в профессии факторов – гибкий график и наличие живого общения со студенческой молодежью.

Таким образом, в рамках идентификации удерживающих и отталкивающих факторов в профессиональной деятельности научно-педагогических сотрудников выявлены значимые эмоционально-отношенческие и поведенческо-регулятивные компоненты, формирующие их субъективное благополучие: удовольствие от процесса преподавания и научной деятельности; возможности передавать знания, общаться с молодежью, интересными, творческими людьми, участвовать в грантах и т.п.

Среди факторов, снижающих ощущение субъективного благополучия и удовлетворенности от профессиональной деятельности, респонденты отметили в первую очередь нарастание бумажной работы, документооборота, отчетности. Как видно из табл. 2, этот фактор, а также продолжающиеся сокращения рабочих мест в системе университетского образования влияют даже более негативно на заинтересованность научно-педагогических работников, нежели недостаточный уровень оплаты труда (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Какие факторы негативно влияют на Вашу заинтересованность в работе в университете?»

Удерживающий фактор	Рейтинг фактора
Нарастание бумажной работы / документооборота, отчетности	74,6
Продолжающиеся сокращения рабочих мест в системе университетского образования	69,2
Недостаточный уровень оплаты труда НПП	61,5
Необходимость выполнять трудовые обязанности во внерабочее время (по вечерам/ночам, в выходные, во время отпуска)	51,5
Недостаточный интерес студентов к обучению	31,5
Недобросовестная конкуренция при проведении процедуры выборов на продление трудовых контрактов	19,2
Необходимость заниматься научными исследованиями и публикациями в рейтинговых журналах	17,7
Сложность получения ученой степени (кандидата/доктора)	9,2
Сложность получения ученого звания (доцента/ профессора)	3,1
Отсутствие возможностей для саморазвития и самореализации	3,1

В дополнение к указанным в таблице 2 негативным факторам в ходе проведения фокус-групп и глубинных интервью респонденты также отмечали неопределенность перспектив профессионального развития; оторванность реального уровня оплаты труда НПП от реального уровня жизни; эмоциональное перенапряжение, профессиональное выгорание; а также снижающийся уровень подготовки студентов, отсутствие мотивации к обучению у студентов; условия труда НПП (наличие и оборудование рабочего места, необходимая оргтехника) (Филоненко, Яковлева, 2018, с. 165).

Однако, как показало исследование, наши респонденты отмечают удовлетворенность профессией, или в терминах позитивной организационной психологии «увлеченность работой» (work engagement), понимаемую в концепции В. Шауфели и А. Бэкера как показатель позитивного, связанного с профессиональными обязанностями

психологического состояния (*Schaufeli, Bakker, 2010, с. 11*), а увлеченность работой и общая удовлетворенность жизнью выступают медиаторами, показывая значимую положительную связь с интегральным показателем удовлетворенности трудом.

Заключение

Полученные в результате проведенного опроса данные интерпретированы в рамках междисциплинарного синтеза традиционного инструментария экономики, социологии, психологии, что позволило расширить понимание детерминант субъективного благополучия научно-педагогических работников вузов и проверить предположение о большей значимости особенностей академической профессии (увлеченность работой, академические ценности, межличностные коммуникации) в уровне профессионального благополучия, нежели денежного фактора. Респонденты ощущают недостаток денежных средств при высокой удовлетворенности иными факторами профессионального благополучия, что свидетельствует о наличии нематериальных выгод и мотиваций работы в вузе и о некоей компенсации слабости денежного фактора удержания в профессии важностью неденежных факторов. Практическим выводом данного исследования является признание примата ценностей академической профессии и социального контекста в достижении профессионального благополучия, что дает возможность расширить потенциал научных и управленческих практик современного вуза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березовская Р. А. (2016). Профессиональное благополучие: проблемы и перспективы психологических исследований // *Психологические исследования*, № 9 (45). (<http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n45/1232-berezovskaya45.html>) – Дата обращения: 12.09.2019).

Вольчик В. В. (2017). Нарративная и институциональная экономика // *Journal of institutional studies* (Журнал институциональных исследований), № 9 (4), с. 132–143.

Изменения стратегий, мотиваций и экономического поведения студентов и преподавателей российских вузов. Информационный бюллетень Мониторинг экономики образования, № 1 (133). М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019. 84 с.

Институциональные изменения структуры российской сферы образования и адаптивное экономическое поведение (на примере Ростовской области) (2017): Монография (В. Вольчик, Е. Фурса, Ю. Филоненко, Т. Зотова и др.). Ростов н/Д.; Таганрог: Издательство ЮФУ, 212 с.

Кислицына О. А. (2016). Измерение качества жизни/благополучия: международный опыт. М.: Институт экономики РАН, 62 с.

Лубский А. В. (2015). Постнеклассическая рациональность и неоклассическая модель социально-гуманитарных исследований // *Научная мысль Кавказа*, с. 21–29.

Резерфорд М. (2012). Полевые, тайные и включенные наблюдатели в американской экономике труда: 1900–1930 годы // *Terra Economicus*, № 10 (4), с. 91–106.

Селигман М. (2013). Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия. М.: Манн, Иванов и Фербер, 440 с.

Скачкова Л. С., Щетинина Д. П. (2019). Контуры субъективного благополучия научно-педагогических работников // *Региональная экономика: теория и практика*, № 17 (11), с. 2026–2038.

Степин В. С. (2009). Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», с. 249–295.

Творогова Н. Д., Кулешов В. А. (2017). Преподаватель отечественного вуза перед вызовами современности // *Вестник Московского университета*. Серия 14. Психология, № 3, с. 3–21.

Филоненко Ю. В., Яковлева Е. А. (2018). Факторы и компоненты субъективного благополучия научно-педагогических работников современных университетов // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, № 9 (4), с. 160–177.

Филоненко Ю. В., Яковлева Е. А. (2019). Субъективное благополучие научно-педагогических работников современных университетов в рамках концепции баланса жизни и труда // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 3 (151), с. 68–85.

Флербе М. (2012). За пределами ВВП: в поисках меры общественного благосостояния (часть II) // *Вопросы экономики*, № 3, с. 32–51.

Хащенко В. А. (2011). Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // *Экспериментальная психология*, № 4 (1), с. 106–127.

Хвостикова В. А. (2012). Удовлетворенность работой и субъективное благополучие сотрудника как фактор эффективности деятельности организации // *Социальная психология и общество*, № 1, с. 26–39.

Шамионов Р. М. (2010). О некоторых преобразованиях структуры субъективного благополучия личности в разных условиях профессиональной социализации // *Мир психологии*, № 1, с. 237–249.

Akerlof, G. A., Snower, D. J. (2016). Bread and bullets // *Journal of Economic Behavior & Organization*, 126, 58–71.

Diener, E., Seligman, M. E. P. (2004). Beyond money: Toward an economy of well-being // *Psychological Science in the Public Interest*, 5, 1–31.

Easterlin, R. A. (2005). Building a Better Theory of Well-Being / Economics and happiness: framing the analysis. New York: Oxford University Press Inc.

Inglehart, R. F., Welzel, C. (2010). Agency, Values, and Well-Being: A Human Development Model // *Social Indicators Research*, 97, 43–63.

Kahneman, D., Deaton A. (2010). High Income Improves Evaluation of Life but not Emotional Well-Being // *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107, 16489–16493.

Layard, R. (2010). Measuring Subjective Well-Being // *Science*, 29, 327 (5965), 534–535.

Oswald, A., Proto, E., Sgroi, D. (2015). Happiness and productivity // *Journal of Labor Economics*, 33 (4), 789–822.

Rath, T., Harter, J. (2010). Wellbeing: The Five Essential Elements. Gallup Press.

Schaufeli, W., Bakker, A. (2010). Defining and measuring work engagement: Bringing clarity to the concept. In A. Bakker, M. Leiter (eds.), *Work engagement: A handbook of essential theory and research* (5–24). Psychology Press.

Stiglitz, J., Sen, A., Fitoussi, J. (2009). Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress, Paris: The Commission. (http://www.communityindicators.net/system/publication_pdfs/9/original/Stiglitz_Sen_Fitoussi_2009.pdf?1323961027 – Accessed: 11.02.2019).

Van Horn, J. E., Taris, T. W., Schaufeli, W. B., Schreurs, P. J. G. (2004). The structure of occupational wellbeing // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 77, 365–375.

Veenhoven, R. (2005). Well-being in nations and well-being of nations: Is there a conflict between individual and society. Social Indicators United States and Germany // *Journal of Gerontology: Social Sciences*, 60, 29–136.

Warr, P. (2013). How to Think About and Measure Psychological Well-being / Research Methods in Occupational Health Psychology: Measurement, Design and Data Analysis. New York: Psychology Press, pp. 76–90.

REFERENCES

Akerlof, G. A., Snower, D. J. (2016). Bread and bullets. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 126, 58–71.

Berezovskaya, R. (2016). Professional well-being: problems and prospects of psychological research. *Psychological research*, 9 (45). (In Russian).

Changes in strategies, motivations and economic behavior of students and teachers of Russian universities. Newsletter (Monitoring of the education economy. 1 (133)) (2019). Moscow: National research University Higher school of Economics, 84 p. (In Russian).

Diener, E., Seligman, M. E. P. (2004). Beyond money: Toward an economy of well-being. *Psychological Science in the Public Interest*, 5, 1–31.

Easterlin, R. A. (2005). Building a Better Theory of Well-Being / Economics and happiness: framing the analysis. New York: Oxford University Press Inc.

Filonenko, Y. V., Yakovleva, E. A. (2018). Subjective well-being factors and components of modern universities scientific and pedagogical workers. *Journal of Economic Regulation*, 9 (4), 160–177. (In Russian).

Filonenko, Yu. V., Yakovleva, E. A. (2019). Subjective well-being of modern universities scientific and pedagogical workers within the life and work balance concept. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 3(151), 68–85. (In Russian).

Fleurbaey, M. (2012). Beyond GDP: the quest for a measure of social welfare (part II). *Economics Problems*, 3, 32–51. (In Russian).

Inglehart, R. F., Welzel, C. (2010). Agency, Values, and Well-Being: A Human Development Model. *Social Indicators Research*, 97, 43–63.

Institutional changes in the structure of the Russian education sector and adaptive economic behavior (on the example of the Rostov region) (2017): Monograph (V. Volchik, E. Fursa, Y. Filonenko et al.). Rostov-on-Don; Taganrog: SFU, 212 p. (In Russian).

Kahneman, D., Deaton, A. (2010). High Income Improves Evaluation of Life but not Emotional Well-Being. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107, 16489–16493.

Khashchenko, V. A. (2011). Subjective economic well-being and its measurement: questionnaire construction and its validation. *Experimental psychology*, 4 (1), 106–127. (In Russian).

Khvostikova, V. A. (2012). Job satisfaction and subjective well-being of the employee as a factor of organization efficiency. *Social psychology and society*, 1, 26–39. (In Russian).

Kislitsyna, O. A. (2016). Measuring quality of life/well-being: international experience. Moscow: Economics Institute RAS, 62 p. (In Russian).

Layard, R. (2010). Measuring Subjective Well-Being. *Science*, 29, 327 (5965), 534–535.

Lubsky, A. V. (2015). Post-non-classical rationality and the neoclassical model of socio-humanitarian studies. *Scientific thought of the Caucasus*, 21–29. (In Russian).

Oswald, A., Proto, E., Sgroi, D. (2015). Happiness and productivity. *Journal of Labor Economics*, 33 (4), 789–822.

Rath, T., Harter, J. (2010). Wellbeing: The Five Essential Elements. Gallup Press.

Rutherford, M. (2012). Field, secret and included observers in the American labor economy: 1900–1930. *Terra Economicus*, 10 (4), 91–106. (In Russian).

Schaufeli, W., Bakker, A. (2010). Defining and measuring work engagement: Bringing clarity to the concept. In A. Bakker, M. Leiter (eds.), *Work engagement: A handbook of essential theory and research* (5–24). Psychology Press.

Seligman, M. (2013). Path to prosperity. A new understanding of happiness and well-being. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 440 p. (In Russian).

Shamionov, R. M. (2010). On some transformations of the structure of subjective well-being in different conditions of professional socialization. *World of psychology*, 1, 237–249. (In Russian).

Skachkova, L. S., Shchetinina, D. P. (2019). Outlines of subjective well-being scientific-pedagogical workers. *Regional economy: theory and practice*, 17 (11), 2026–2038. (In Russian).

Stepin, V. S. (2009). Classic, Nonclassic, Postnonclassic: Criteria for Distinguishing. *Postnonclassic: Philosophy, Science, Culture*. St. Petersburg: Mir, 249–295. (In Russian).

Stiglitz, J., Sen, A., Fitoussi, J. (2009). Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress, Paris: The Commission. (<http://www>.

communityindicators.net/system/publication_pdfs/9/original/Stiglitz_Sen_Fitoussi_2009.pdf?1323961027 – Accessed: 11.02.2019).

Tvorogova, N. D. Kuleshov, V. A. (2017). University Teacher before the challenges of modernity. Bulletin of Moscow University, 14. Psychology, 3, 3–21. (In Russian).

Van Horn, J. E., Taris, T. W., Schaufeli, W. B., Schreurs, P. J. G. (2004). The structure of occupational wellbeing. Journal of Occupational and Organizational Psychology, 77, 365–375.

Veenhoven, R. (2005). Well-being in nations and well-being of nations: Is there a conflict between individual and society. Social Indicators United States and Germany. Journal of Gerontology: Social Sciences, 60, 29–136.

Volchik, V. V. (2017). Narrative and institutional Economics. Journal of Institutional Studies, 9 (4), 132–143. (In Russian).

Warr, P. (2013). How to Think About and Measure Psychological Well-being / Research Methods in Occupational Health Psychology: Measurement, Design and Data Analysis. New York: Psychology Press, 76–90.